

Т.Ю. Максимова

Основные темы и мотивы лирики М.И. Цветаевой

Тема детства.....	1
Тема дома.....	2
Образ матери.....	3
Тема Москвы.....	4
Тема души.....	6
Тема бессонности.....	8
Поэты-современники в лирике Цветаевой.....	10
Тема любви.....	14

Тема детства

Таинственность и загадочность этого «острова *детства*» раскрываются в стихотворении «В зале», вошедшем в сборник «Вечерний альбом». В обычной зале с приходом темноты обостренное детское восприятие придает простым житейским картинам особую значимость.

Не медлим! Минута настала!
Уж кто-то идет из угла.
Нас двое над темной роялью
Склонилось, и крадется жуть.

Ночная стихия всегда будет для Цветаевой по-особому влекущей, манящей и грозной. В этом стихотворении для нее важна мысль о том, что детям все «тайны вручены». Подвластен им и мир «вечерних видений»: «Мы, дети, сегодня цари».

Жизнь ребенка, по Цветаевой, необычайно наполнена и динамична. Каждый ее миг открывает юному человеку новые для него истины, обогащает новым опытом. В цветаевском стихотворении это опыт борьбы духовной, ведь детям приходится противостоять не только пугающим и зловещим теням, но и собственным слабостям, малодушию. Цена победы над собой велика, и дети могут ею гордиться:

Мы цепи таинственной звеня,
Нам духом в борьбе не упасть,
Последнее близко сраженье,
И темных окончится власть.

Дети чувствуют кровную связь с миром, сознание собственной значимости переполняет их, они первооткрыватели всего, что их окружает! И как далеки от этого взрослые, зачастую столь придавленные обыденностью, что забывают о непостижимой прелести существования, обитая «в мире, где всяк сгорблен и взмылен». Поэтому так отчетливо разделяет Цветаева мир взрослых, лишенный поэзии («скучны и просты их дни»), и мир детей, многосложный, многоцветный и огромный:

Мы знаем, мы многое знаем
Того, что не знают они!

Дети владеют миром не только в пределах уютных домашних стен. Мир природы для них — тоже «*наши царства*» (так называется другое стихотворение из «Вечернего альбома»). «Деревья, поле, скаты» становятся личными владениями их душ. В природе для детей нет повседневности. И «темный лес», и белеющее «в выси небес» облачко, и сама свежесть летнего утра — драгоценные сокровища их жизни.

Радость познания связана для детей и с миром книг. Детское восприятие книг, убеждена Цветаева, глубоко и своеобразно. В письме М. Волошину (1911) она замечает: «Семи лет Мцыри и Евгений Онегин гораздо верней и глубже понимаются, чем двадцати. Не в этом дело, не в недостаточном понимании, а в слишком глубоком, слишком чутком, болезненно-верном!» И позднее, в 1940 году, Цветаева подчеркнет ту же мысль: «Любимое занятие с четырех лет — чтение, с пяти лет — писание. Все, что любила, — любила до семи лет... Сорока семи лет от роду скажу, что все, что мне суждено было узнать, — узнала до семи лет, а все последующие сорок — осознавала».

Мир, преображенный «волшебной силой песнопенья», с ранних лет был дорог Цветаевой. Не случайно в ее поэзии так много реминисценций, упоминаний о прочитанном, а литературные персонажи часто выступают действующими лицами ее произведений.

«Неизменившие друзья» — так названы Цветаевой любимые ею в детстве «книжки в красном переплете». «Рай детского житья» освещен их присутствием в жизни героини. Чтение и игра матери на рояле сливаются воедино мир слова и мир музыки:

Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.

Книжки становились своеобразной школой чувств:

О, золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!

Вернуть эту первозданность ощущений невозможно, как невозможно вернуться в прошлое.

Новый жизненный опыт, новые переживания и обстоятельства навсегда разделили пору детства и пору юности. Героине остается лишь воскликнуть вслед минувшим дням: «Куда ушли, в какую даль вы?»

Тема дома

Атмосфера родного *дома*, его «рыцарский дух», «жизнь на высокий лад» во многом определили свойства натуры Цветаевой. Понятие «дом» означало для нее особый уклад жизни. Ее лирическая героиня воспринимает дом как живое существо, преданное и понимающее. Именно об этом говорится в стихотворении «Наша зала», вошедшем в сборник «Вечерний альбом». «Зала» — действующее лицо цветаевской лирики. Если в стихотворении «В зале» это хранительница детских тайн, свидетельница «сражений», то теперь зала — наперсница, любящая и ласковая советчица героини, уже повзрослевшей, уже изведавшей первые сомнения и разочарования. Автор сравнивает ее с заботливой няней:

Мне тихонько шепнула вечерняя зала
Укоряющим тоном, как няня любовно: —
Почему ты по дому скитаешься,
словно Только утром приехав с вокзала?

Большая часть стихотворения — монолог залы, в нем — тревога за судьбу героини:

Я слежу за тобою внимательным взглядом,
Облегчи свою душу рассказом нескорым!

Героиня переживает драму первой любви, и зала, словно близкий человек, сострадает ей:

О, не бойся меня, не противься упрямо:
Как столетняя зала внимает не каждый!

Это обращение призвано еще больше оттенить одиночество героини. Ей в эти минуты не с кем разделить свою муку, некому излить свою душу. И родные стены утишают ее боль, как это мог сделать бы только друг:

Все скажи мне, как все рассказала однажды
Мне твоя одинокая мама.

Стихотворение «“Прости” волшебному дому», также вошедшее в книгу «Волшебный фонарь», было написано Цветаевой в пору прощания с родительским домом. Близость разлуки предельно обостряет чувства, делая милее каждую деталь, каждую приметку в облике родного дома:

Темный узор на портъере,
С медными ручками двери...
В эти минуты последние
Все полюбилось, как встарь.

Дом бережно хранит в себе все — и секреты детства, и отважные мечты («жажда великих путей»), и сонм отроческих надежд, неясных, но пленительных, сверкающих, как «светлые замки из инея».

Возгласы эти и песенки,
Чуть раздавался звонок!
И через залу по лесенке
Стук убегающих ног.

Цветаева запечатлевает здесь музыку юности, когда пение звучит в лад долгожданному звонку, когда в любую минуту счастье кажется близким и так стремителен бег навстречу грядущему...

«Прости» в названии этого стихотворения означает не только прощание, но и благодарность дому за все его «небывалые весны» и «дивные зимы». Дому героиня обязана яркостью, незабываемостью первых жизненных впечатлений.

Пророческим оказалось цветаевское стихотворение 1913 года «Ты, чьи сны еще непробудны...»

Героиня предчувствует, что судьба любимого дома будет трагической. (Дом в Трехпрудном переулке, в котором родилась поэтесса, действительно не уцелел в годы революции.) Она предвидит не просто гибель конкретного дома, но и всего того мира красоты, гармонии, духовности, который он собой олицетворял:

Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом.

Отголосок грядущих потрясений звучит в этих словах. Потому так важно успеть приобщиться к этому миру:

В переулок сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.

Потому так настойчива цветаевская мольба-просьба:

Умоляю — пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!
Этот мир невосвратно-чуждый
Ты застанешь еще, спеши!

Образ матери

В творчестве Цветаевой *образ матери* занимает особое место. Ей посвящены не только стихи, но и проза: «Мать и музыка» (1934), «Сказка матери» (1934). В автобиографических очерках и письмах Цветаевой можно найти много упоминаний о Марии Александровне. Ее памяти посвящено и стихотворение «Маме» (сборник «Вечерний альбом»). Автору очень важно подчеркнуть духовное воздействие матери на дочерей.

Натура тонкая и глубокая, художественно одаренная, она ввела их в мир прекрасного. С самых ранних лет музыка была для Цветаевой тождественна голосу матери:

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов.

«Мать — сама лирическая стихия», — пишет Цветаева. Искусство было средоточием внутренней жизни матери, страстью ее души. «Мать... — страстная музыкантша, страстно любит стихи и сама их пишет. Страсть к стихам — от матери». Благодаря ей и для детей искусство стало некой второй реальностью, подчас более желанной.

Душа, была убеждена Мария Александровна, должна уметь противостоять всему безобразному и дурному.

К детским снам клонясь неутомимо
(Без тебя лишь месяц в них глядел!),
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

Мать научила детей чувствовать боль — свою и чужую, сумела отвести их от лжи и фальши внешних проявлений, даровав им раннюю мудрость: «С ранних лет нам близок, кто печален, Скучен смех...» Такая нравственная установка рождала внутреннюю неуспокоенность, невозможность удовлетвориться житейским благополучием:

Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Материнская Муза была трагической. В 1914 году Цветаева писала В. Розанову: «Ее измученная душа живет в нас, — только мы открываем то, что она скрывала. Ее мятеж, ее безумие, ее жажда дошли в нас до крика». Груз, принятый на плечи, был тяжел, но он составил и главное богатство юной души. Духовное наследство, завещанное матерью, означало глубину переживаний, яркость и обостренность чувств и, конечно же, благородство сердца. Всем самым лучшим в себе, как признавала Цветаева, она обязана матери. Боль ее ранней потери, тоска сиротства сопровождали ее всю жизнь.

До убедительности, до
Убийственности — просто:
Две птицы вили мне гнездо:
Истина — и Сиротство.

Во многом благодаря матери в душе жила память о детстве, как о «лазурном острове».

Тема Москвы

Московская тема появляется уже в ранних стихах Цветаевой. Москва в ее первых сборниках — воплощение гармонии. Прозрачными акварельными красками рисует Цветаева лирический образ города.

В стихотворении «Домики старой Москвы» город предстает как символ минувшего. В ритмическом плане стихотворение напоминает старинную танцевальную мелодию. В нем воскресают слова и понятия, передающие аромат давних времен: «вековые ворота», «деревянный забор», домики, где «потолки расписные» и «клавесина аккорды». Но эти московские домики — «слава прабабушек томных» — исчезают, «точно дворцы ледяные по мановенью жезла». А с ними старая Москва утрачивает былую торжественность, величавость. «Домики с знаком породы» были хранителями души. Город беднеет с их исчезновением.

Облик Москвы в ранней цветаевской поэзии светел. Город присутствует и в снах героини, и в ее мечтах. Гармония их взаимоотношений еще ничем не нарушена. Но меняется жизнь, меняется и восприятие города. Путешествие в Петроград зимой 1915–1916 позволило Цветаевой ощутить себя именно московским поэтом. Кратковременная разлука

с родным городом заставила взглянуть на него новыми глазами, как бы со стороны, что послужило импульсом для создания одного из самых известных цветаевских циклов — «Стихи о Москве».

Этот цикл можно назвать величальной песней Москве. В нем город предстает как средоточие всех путей, сердце Родины. Символично время рождения цикла — 1916 год: очень скоро жизнь «в дивном граде сем, в мирном граде сем» неузнаваемо переменится. Цветаева увидит совсем другую Москву — разоренную, страдающую, потерявшую многих своих сыновей... Эту Москву она проникновенно и пронзительно точно опишет в сборнике «Лебединый стан», в очерках «Октябрь в вагоне», «Мои службы», в дневниковых записях 1917–1921 годов. Автор переживает за судьбу родного города как за судьбу родного человека. В цикле «Москве» (1917) с отчаянием и нежностью обратится она к любимому городу:

— Голубочки где твои? — Нет корму.
— Кто унес его? — Да ворон черный.
— Где кресты твои святые? — Сбиты.
— Где сыны твои, Москва? — Убиты.

Ощущая Москву частицей своей души, героиня готова вручить ее, как и свое сердце, тому, кто достоин такого дара. Как наследство, завещает она Москву дочери (первое стихотворение цикла) и как дар дружбы — собрату по ремеслу (второе стихотворение цикла):

Из рук моих — нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

В своих стихах Цветаева всегда экономно, прицельно использует цвет. В «Стихах о Москве» определяющий цвет — красный, он дан в сочетании с золотым и синим. Красный цвет в народной традиции неразрывно связан с красотой, любовью, жизнью сердца. И Цветаева сознательно следует этой традиции, используя для передачи различных нюансов все оттенки этого цвета. У нее «красный», «червонный», «багряный» означают «прекрасный», «драгоценный», «дорогой»: «Червонные возблещут купола», «с багряных облаков», «во червонный день Иоанна родилась Богослова», «Иверское сердце, червонное, горит».

Московская тема в творчестве Цветаевой всегда связана с темой пути, путешествия, открытия. «С кремлевского холма» героине видна вся земля. Москва дает ощущение пространства, распаивает перед ней дали:

Москва! —
Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы всё к тебе придем.

Общение с городом, поклонение его святыням врачует душу. Любящее сердце Москвы открыто всем обиженным, заблудшим, заплутавшим, страждущим.

Человек может быть грешен, глух к чужим страданиям и боли, но рано или поздно в нем проснется желание очистить свою душу. И тогда он сумеет расслышать отдаленный, но настойчивый зов с «колокольного семихолмия»:

Издалека-далече —
Ты все же позовешь.

Долгие годы неумолчный зов этот звучал и для самой Цветаевой, вынужденной в 1922 году покинуть Россию...

Поэт дорожит Москвой не только как родным городом, но и как святыней Отечества, столицей.

Неторопливая, плавная, с многочисленными повторами мелодия звучит в стихотворении, вошедшем в цикл «Стихи о Москве»:

Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь...

В нем предстают образы старой России и города «сорока сороков» церковей, колокольные перезвоны которых перекликались, подхватывались подмосковными. Воедино с миром природы сливается музыка колоколов. В этом стихотворении есть еще один важный для московского цикла мотив — мотив святости и праведности. Он связан с образом странников, которых так много было на бескрайних просторах Руси. В их душах — вера, смирение, отрешенность от мира. Странники-слепцы не идут, а «бредут». И словесные повторы в стихотворении передают ритм их неспешного движения:

Бредут слепцы Калужскою дорогой, —
Калужской — песенной — привычной, и она
Смывает и смывает имена
Смиранных странников, во тьме поющих Бога.

Образ странников напоминает о нескончаемости жизненных дорог, путей познания истины. Странничество для автора имеет особый смысл. Это и предназначение, и дар. Путь самоотречения, кроткого служения Богу непросто и нелегко. Земные страсти и заботы держат душу в своем плену. И однажды, думается героине, устав от этого плена и от решившись от всех мирских привязанностей, она тоже встанет на этот путь:

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской, —
Надену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по Калужской.

Тема души

Цветаевская героиня с присущей ей безоглядностью бесстрашно устремляется навстречу неизведанному. Она мечтает реализоваться, состояться в множестве «ролей» и призваний. В стихотворении «Молитва», вошедшем в сборник «Вечерний альбом», она страстно заявляет:

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой...

Принимая жизнь как дар Творца, поэт говорит о невероятной, почти непомерной для осознания простым смертным ценности этого дара:

Ты Сам мне подал — слишком много!
Я жажду сразу — всех дорог!

И неким ответом на щедрость этого дара героине видится необходимость наполнить каждый день новым действием, движением вперед:

Чтоб был легендой — день вчерашний,
Чтоб был безумьем — каждый день!

Истовость природы героини запечатлена и в стихотворении «В раю» (1912). Небесное и земное противостоят здесь друг другу. Горний мир — мир, где нет тревог и печалей, представляется ей гармоничным, но чужим:

Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!

Но страстной, мятежной душе героини нет умиротворения:

Где всё покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор.

Слишком сильны ее земные чувства, слишком драгоценны воспоминания о земном. Даже боль пережитой любви — одно из сокровищ души. И это очарование всего земного — и печального, и радостного — невозможно забыть: «Я о земном заплачу и в раю...»

Редкое жизнелюбие героини цветаевской лирики парадоксальным образом связано с авторскими размышлениями о смерти, уходе из жизни. Эта тема не раз возникает в творчестве Цветаевой. С ранних лет поэт ощущает тонкость той незримой грани, что отделяет бытие от небытия. Желая понять запредельное, Цветаева мысленно пытается перешагнуть эту грань. В очерке «Смерть Стаховича» (1919) она пишет: «...кем бы ни был мне мертвый, верней: как мало бы я ему, живому, ни была, я знаю, что в данный час (с часа, кончающегося с часами) я ему ближе всех. Может быть — потому, что я больше всех *на краю*, легче всех пойду (пошла бы) вслед. Нет этой стены: живой — мертвый, был — есть». Об отсутствии «этой стены» она сказала еще в стихотворении «Идешь, на меня похожий...» (1913).

И после земной жизни душа героини как бы созерцает оставленный ею мир, напоминающий о том, что она «тоже *была*». «Прохожий» в стихотворении не имеет конкретных примет. Освещенный солнцем, он кажется героине похожим на нее саму — когда-то жившую — смешливую, ироничную:

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

Цветаевская героиня не приемлет безразличия и безучастности. Ей важно, чтобы «прохожий» остановился, почувствовал в ушедшем своего ближнего, задумался, но без уныния и скорби:

Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Голос из-под земли» не должен быть пугающим для живущего: пусть он так же, как она, ощутит близость между двумя мирами, связь между ними. Поэтому голос лирической героини так ласково-кроток, так полон заботы и нежности. И горечь:

Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись! —

сменяется любованием:

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...

Развитие этой темы — в стихотворении «Уж сколько их упало в эту бездну...» (1913). Героиня пытается разглядеть в дали лет тот день, когда ей будет суждено исчезнуть «с поверхности земли». Никому из смертных не миновать этого. Но как трудно представить, что когда-то наступит этот миг и — «застынет все, что пело и боролось,/ Сияло и рвалось», ведь героиня так дорожит всем, что есть «на ласковой земле», всем многообразием звуков, голосов, красок. И мысль о том, что после ее ухода ничего не изменится вокруг, жизнь для других останется прежней — обыденной, полной забот, совершенно нестерпима для нее.

Со свойственным ей максимализмом она обращается сразу «к вам всем». Это весьма характерный пример цветаевского гиперболизма чувствований: «что мне, ни в чем не знавшей меры,/ Чужие и свои?!» В искупление грядущей разлуки с землей она просит любви — большей, чем та, что достается ей ныне. Но эта просьба звучит крайне категорично и настойчиво:

Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

Она ждет, чтобы ее любили — за независимый и гордый нрав, за достоинство и великодушие, за пережитые разочарования и боль, за сплав разнородных начал, причудливо соединившихся в ее ранимом и любящем сердце — и, наконец, за неизбежный уход с земли, столь трагический для нее — «такой живой и настоящей».

Тема бессонности

Тема бессонности — одна из ключевых в творчестве Цветаевой. Бессонность — важнейшее свойство ее лирической героини, неотъемлемая составляющая ее духовной жизни. В философской системе Цветаевой бессонность означает «растревоженность» духа, не знающего безразличия, апатии, «сна», в противовес равнодушию это вечный вызов всему неподвижному, оцепенелому, застывшему в своем развитии, вызов миру, «где наичернейший — сер!», готовность к подвигу.

Наиболее ярко это понятие раскрывается в цикле «Бессонница» (1916). Здесь бессонница предстает перед читателем во множестве обликов. Неизменно одно — она «вечная спутница» лирической героини. Именно бессонница дает героине возможность уйти в свой, особый мир, отрешиться от обыденности, остаться наедине с собой, отринув тщету и суетность дня. Она помогает героине обрести новый взгляд на бытие.

Бессонница диктует героине свои законы, о б я з ы в а я ее быть личностью, выступает неким катализатором развития ее индивидуальности. Остановимся на одном стихотворении из цикла — «Сегодня ночью я одна в ночи — / Бессонная, бездомная черница!» Эта самохарактеристика весьма показательна: одинокая (без спутника), бессонная (без сна), бездомная (без дома), она тем не менее не ощущает себя несчастной и обделенной. Ей введена особая радость: «Сегодня ночью у меня ключи / От всех ворот единственной столицы!» Она чувствует себя владелицей тех сокровищ, которые недоступны другим. «Ключи от всех ворот» — здесь символ доступа к тайнам не только «единственной столицы», но и подспудной, сокровенной жизни человеческой души.

Она счастлива тем, что город в эту пору словно принадлежит ей одной, и призвана оберегать и хранить его сокровища, служить ему. Мотив самоотверженного, самоотреченного служения подчеркнут и словом «черница» — монахиня. Для «бездомной черницы» город — дом.

В стихотворении присутствует и важный для цветаевского творчества мотив пути. В данном случае это путь познания и самопознания. Именно бессонница побуждает героиню вступить на этот путь: «Бессонница меня толкнула в путь». Бессонница же пробуждает и проясняет в душе героини самые высокие и светлые чувства — от восхищения красотой Кремля («О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой!») до нежности и любви ко всему миру. Благоговение и любовь к «единственной столице» рождают любовь ко всей земле:

Сегодня ночью я целую в грудь —
Всю круглую воющую землю!

Таким образом, бессонница, «толкнув» героиню в путь, распаивает перед ней горизонт. Обостряя чувство причастности к святыне «нерукотворного града», бессонница заставляет героиню с кремлевского холма мысленно окинуть взором неоглядные дали. (Вспомним строки О. Мандельштама: «На Красной площади всего круглей земля / И скат ее твердеет добровольный».) Так возникает в душе героини стремление внести умиротворение в жизнь страдающей «воюющей земли» («воюющей» метафорически и реально: 1916 год — третий год мировой войны).

Бессонница предельно обостряет все ощущения героини:

Вздываются не волосы — а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.

Эпитет «душный» несет здесь двойную нагрузку. Во-первых, с его помощью «рифмуются» смысл и звучание соседних слов: «душный ветер» — «в душу». Во-вторых, он подчеркивает нестерпимую, невообразимую глубину проникновения внешнего мира во внутренний. Открытость, распахнутость души героини таковы, что «ветер прямо в душу дует». Он проникает внутрь всего существа.

Город в стихотворении не только определенная географическая точка — Москва, но и сама душа героини. Это путешествие в ночи для нее еще и путешествие по улицам и площадям своего беспредельного внутреннего мира. И поскольку, по убеждению Цветаевой, душа в ночи всегда вырастает, героиня находит в себе силы подняться над всем и всеми, а поднявшись, в с е х пожалеть (в с е х — независимо от того, счастливы они или нет):

Сегодня ночью я жалею всех,
Кого жалеют и кого целуют.

Собственное одиночество ничуть не ожесточает героиню, не разводит ее с миром. Напротив, по мере прохождения «бессонной черницей» своего пути, по мере того, как ее душой овладевает прелесть ночи, возвышенная красота окружающего, в сердце ее возникает и крепнет столь же прекрасное сострадательное чувство любви. Причем это любовь в народном понимании — любовь-жалость. Такой путь благодаря бессоннице проходит ее душа — от примиряющего поцелуя любви в с е й земле до нежности ко в с е м людям — разным по судьбе, но единым в своей земной доле. Этот мотив примирения, мечта о гармонии возникали и раньше в цветаевской лирике. Вот строки из стихотворения 1915 года:

Я знаю правду!
Все прежние правды — прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться!

Многим поэтам разных времен виделась картина грядущего умиротворения: «когда народы, распри позабыв, / В счастливую семью соединятся» (Пушкин); «когда по всей планете / Пройдет вражда племен: исчезнет ложь и грусть» (Есенин). Цветаевская героиня понимает: эти времена никогда не наступят, если люди не научатся сострадать друг другу, если не проникнутся активным стремлением к деятельному добру. Ее собственная душа в способности любить вырастает до самоотречения.

Бессонность в цветаевской лирике не только свойство души, но и способ существования в мире. Об этом — десятое стихотворение цикла. Героиня, идя по ночному городу, видит в нем и других неспящих: «Вот опять окно, / где опять не спят». Горящее в ночи окно — знак чьей-то бессонности. Что бы ни было за ним — радость ли, горе, одиночество, счастье любви, — такое окно, подчеркивает автор, всегда з н а к чего-то важного в судьбах людей. Как некий сигнал в бескрайнем океане темноты, оно всегда громко звучит в ночном мраке. Удачно найдено здесь автором слово «крик»: «Крик разлук и встреч — / Ты, окно в ночи!» «Разлуки» и «встречи», врываясь в ровное течение жизни, диктуют свои законы, заводят свой распорядок, подчиняющийся лишь прихотливой логике расставаний и узнаваний. И это значит, что для бессонных людей не может быть и речи о тихом, безмятежном, бестревожном бытии:

Нет и нет уму
Моему — покоя. —
И в моем дому
Завелось такое.

Бессонность для героини — способ не только жизненного, но и творческого существования. (Вспомним строки Пастернака: «Не спи, не спи, Художник, / Не предавайся сну».) Об этом говорится в другом стихотворении цикла, где героиня обращается к ночи,

слагая ей некий торжественно звучащий языческий гимн: «Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая / Свет — люблю тебя, зоркая ночь». «Сосущая свет» — впитывающая свет, преображающая его. Ночь дорога ей как источник творческого вдохновения, «праматерь песен». Ночь наделена могучей властью: в ее «длани узда четырех ветров». Она владычествует и над обычными ветрами, и над стихиями поэзии. Себя героиня видит лишь подчиненной этой повелительнице:

Клича тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где еще не умолк океан.

Уподобление ночи океану вызывает ассоциацию с тютчевскими строками из стихотворения «Как океан объемлет шар земной...»:

И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

В цветаевском стихотворении ночь мыслится прежде всего как Океан Поэзии. Поэт, приобщившись к этой стихии, стремится передать шум океана, донести до других звуки гармонии — так раковина, что заключает в себе отзвук величественной мелодии морской стихии, доносит ее до того, кто захочет вслушаться. Обращение к ночи, как к океану, мы найдем и у поэта — современника Цветаевой — О. Мандельштама. В стихотворении «Раковина» он писал:

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.

Героиня стихотворения Цветаевой тоже помнит о возможности раствориться в этом океане, потонуть в ночи, слиться с ней:

Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека!
Испепели меня, черное солнце — ночь!

Она готова отречься от былых привязанностей («Я уже нагляделась в зрачки человека!»), признав над собой владычество «праматери песен».

Отдавая себя во власть «черному солнцу» — ночи, героиня отдает себя во власть могучей и грозной творческой стихии. И именно бессонница помогает героине сделать важнейший нравственный выбор. Это сознательный выбор в пользу непокоя, в том числе и поэтического — непрестанного горения души.

Поэты-современники в лирике Цветаевой

Обращения Цветаевой к поэтам-современникам многочисленны и разнообразны. Цветаева обладала редким даром — удивительным умением восхищаться талантом, быть благодарной художнику, глубоко чувствовать душу в его творениях. Всегда чуждавшаяся всякого рода поэтических объединений, презиравшая богему, далекая от околелитературной борьбы самолюбий и амбиций, она была счастливо лишена чувства творческой зависти или ревности. Самозабвенным и безоглядным было ее восхищение художником, соприкосновение с чужим вдохновенным словом рождало в ответ «небесный пожар» души.

Однако обращения Цветаевой к современникам были не только данью восхищения. Ее стихотворения, очерки, воспоминания, статьи, посвященные поэтам, содержат тонкий и точный анализ творческой личности. Ее оценки глубоки и оригинальны. Поэтому, знакомясь с творчеством многих авторов XX века, невозможно пройти мимо цветаевских отзывов. С их помощью можно лучше и яснее представить себе человеческую и художническую суть Владимира Маяковского и Константина Бальмонта, Андрея Белого и Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама и Валерия Брюсова. Касаясь творчества уже

ушедших поэтов, она считала особо важным воссоздать живой облик поэта, вернуть его читателю. Символично в этом плане название очерка о Максимилиане Волошине — «Живое о живом» (1932).

Остановимся подробнее на двух цветаевских стихотворных циклах, посвященных поэтам-современникам, — «Стихи к Блоку» (1916, 1920, 1921) и «Ахматовой» (1916). Оба поэта занимали совершенно особое место в душе Цветаевой. Их творчество было для нее целым миром, их личность притягивала. Александр Блок, например, виделся ей не просто поэтом, но существом высшего порядка: «Божий праведник мой прекрасный». Кроме того, он был для Цветаевой идеальным воплощением, по выражению Пушкина, «взыскательного художника», поднявшегося на огромную нравственную высоту. Одно из стихотворений 1920 года Цветаева заключает строками:

Предстало нам — всей площади широкой! —
Святое сердце Александра Блока.

Блоковский цикл насыщен реминисценциями из стихотворений самого поэта. Цветаева стремится постичь тайну духовной жизни художника. Это и рассказ о любви — в нем переданы тончайшие оттенки чувств лирической героини. Одна из отличительных черт этого цикла — музыкальность, что весьма символично, ведь и сам Блок придавал огромное значение музыке, которая воспринималась им как мировая стихия.

Об отношении Цветаевой к Блоку можно судить уже по первому стихотворению цикла «Стихов к Блоку» (1916) — трепетно воспринимается ею звук самого имени поэта:

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое — пять букв.

Анафора (единоначатие) усиливает восхищение цветаевской героини поэтом, подчеркивает, сколько сокровенного, драгоценного заключает в себе для нее даже звучание его имени. С бережностью и пристальностью любви найдены в стихотворении сравнения к звучанию его имени (оно сознательно не называется автором в стихотворении). Любовь к поэту живет не только в глубине души героини, но и в приметах внешней жизни, напоминающих о нем, и образ поэта словно оживает в них. Все определения здесь роднит общая черта: они передают то, что длится не более короткого мига, но оставляет в сердце долгий след: неуловимы «птица в руке», могущая улететь; «льдинка на языке», которая вот-вот растает; «одно-единственное движенье губ», которое исчезает, едва прозвучав, наконец, «щелканье ночных копыт», замолкающее вдали. Связаны эти определения еще одной характеристикой: все они отражают извечное стремление человека остановить прекрасное мгновение, удержать красоту. Поэтому — «птица в руке», «мячик, пойманный на лету».

Неподвижен только лик героя, который угадывается в словах про «нежную стужу недвижных век». Важен в стихотворении и мотив удивления чуду. Воплощенное чудо — прирученная певчая стихия («Имя твое — птица в руке»), и сама возможность «присвоить» ее, назвать по имени. «Льдинка на языке» — это щекочущий холодок тайны, прикосновение к самым сокровенным глубинам души. «Одно-единственное движенье губ» — изумление от того, что огромный поэтический мир рождается из этого движения, как возникает волшебная музыка из семи нот на линейке.

Но автор не довольствуется только этими обозначениями звука. Музыкальная палитра стихотворения чрезвычайно насыщена: здесь и звон бубенца, и щелк курка. Все они передают динамику переживаний и чувствований героини. Появляется в стихотворении и сквозной для всего цикла мотив полета, радостный и светлый: «мячик, пойманный на лету», «в легком щелканье ночных копыт». Поэт, по Цветаевой, тесно связан с природными стихиями. (Вспомним ее строки: «Стихи растут как звезды и как розы».) Эта

взаимосвязь органична: поэт как бы говорит голосом природы, поскольку вышел из нее, рожден ею («Путь комет — поэтов путь», — утверждает Цветаева), и сама молчаливая природа озвучивается, одушевляется присутствием поэта:

Камень, кинутый в тихий пруд,
В с х л и п н е т так, как тебя зовут.

Автор свободно оперирует контрастными определениями. Камню (тяжести, весомости, вечности) противопоставляется «щелканье ночных копыт» — звук, рожденный стихией бега. Заметим, что эта стихия всегда была для Цветаевой прочно связана с образом поэта (к примеру, в цикле «Стихи к Пушкину» она писала:

Пушкинский мускул...
Мускул полета,
Бега,
Борьбы,

Душа поэта бесстрашна и стремится к подвигу. Вспомним строки самого Блока из цикла «На поле Куликовом»:

И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.

Поэт не боится испытаний, потому и «щелканье ночных копыт» названо «легким». И в унисон ему «громкое имя твоё гремит».

Этот героический мотив в стихотворении подкрепляется и сугубо языковыми средствами. Шипящие и взрывные звуки в одной строке напоминают цокот копыт по мостовой, создают впечатление движения. Дважды повторенное звуковое сочетание «гр» в другой строке передает раскаты поражающего слух имени. Так создается двуединый образ поэта — выразителя тайной, сокровенной мелодии души и мелодии победительной, мощной, творчески-властной.

И всегда рядом с поэтом, принимающим на себя все беды мира, таится опасность, близость «бездны мрачной»: «И назовет его нам в висок / Звонко щелкающий курок». Поэт — всегда на краю, ближе всех к зияющей бездне. Он поставлен перед ней самим своим предназначением — противостоять злу. (В очерке «Мой Пушкин» Цветаева писала: «Первое, что я узнала о Пушкине, это — что его убили».) В рассматриваемом стихотворении выстрел обозначен лишь косвенно, но тем самым подразумевается вероятность его. И вновь повторенное автором слово «звонко» могло бы показаться неуместным, если бы не знать удивительных пушкинских строк из «Пира во время чумы»: «Есть у п о е н и е в бою...»

В последней строфе цветаевского стихотворения авторский голос снижается почти до шепота. После кульминационной по высоте и громкости звука второй строфы мелодия постепенно становится все тише, окончательно замолкая при переходе из яви в сон в последней строке: «С именем твоим — сон глубокий». Здесь уже определения имени поэта не звучащие, а напротив, связанные с таинственной, волнующей беззвучностью: «поцелуй в глаза», «поцелуй в снег», «голубой глоток». Это общение «поверх барьеров», но в то же время со своими запретами («ах, нельзя!») и границами — и сладостной притягательностью, этих запретов:

Имя твоё — ах, нельзя! —
Имя твоё — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твоё — поцелуй в снег.

В такие сокровенные минуты нельзя называть «громкое имя», нельзя потревожить его суетным упоминанием. Проникновение в душу поэта — благоговейное, сосредоточен-

ное, самоуглубленное. Трепетно ощущение причастности к его миру — потому и «поцелуй в глаза», тихий до беззвучности, нежный — «в нежную стужу недвижных век» (аллитерация в данной строке необходима для усиления этого впечатления).

Вольная, изменчивая стихия бега, полета, со всей их быстротой и стремительностью, оттенены зачарованной стужей «недвижных век». Так Цветаева передает не только разнообразие ощущений героини, но и многообразие душевных состояний самого поэта. Эти строки свидетельствуют о непознаваемости души художника, о некоей незримой грани, черте, которую даже при самой глубокой любви — «ах, нельзя!» — преступить. И всеобъемлющая любовь героини к поэту отступает с почтением и трепетом перед неразгаданностью тайны гения и самого бытия.

Имя поэта для героини — святое (в третьем стихотворении цикла есть строки: «И во имя твое святое / Поцелую вечерний снег...»). Приобщение к творческому миру художника способно одарить любящее сердце неповторимым ощущением внутренней гармонии. Героине оно дает возможность обрести душевный покой и умиротворение. Потому и завершается стихотворение просветленным: «С именем твоим — сон глубок».

А. Ахматова также всегда очень много значила в жизни Цветаевой. Героиня-адресат этого цикла символически названа «Царскосельской Музой», «раненой Музой», «Музой плача». «О, Муза плача, прекраснейшая из муз!» — так начинается первое стихотворение цикла. В этом образе удивительно сочетаются два противоположных начала. Парадоксальная, «двухцветная» характеристика выявляет двойственную природу его воплощений:

О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

Образ, явленный в таком драматическом ключе («шальное исчадие»), и чувство вызывает двоякое: некую смесь восхищения, восторга — и ужаса:

И мы шараемся, и глухое: ох! —
Стотысячное — тебе присягает, Анна
Ахматова!..

Существен здесь и масштаб изображения. Глобальным видится автору воздействие поэтического дара на окружающий мир: «Ты черную насылаешь метель на Русь». Приобщение к судьбе героини-адресата несет в себе и сладость, и угрозу: «вопли твои вонзаются в нас, как стрелы», но все же: «Мы коронованы тем, что одну с тобой / Мы землю топчем, что небо над нами — то же!» Автор осознает эту приобщенность как великий дар. И, по Цветаевой, принять его можно лишь целиком, со всей драгоценной тяжестью этой ноши: «И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой, / Уже бессмертным на смертное сходит ложе». И тут действительно, как сказал Пастернак, «кончается искусство, / И дышат почва и судьба». Ведь погружение в поэтический мир, убеждена Цветаева, есть не просто чтение стихов, но — полнота сопереживания (слова Цветаевой о пушкинской дуэли: «Нас этим выстрелом всех в живот ранили»).

Даже само имя героини-адресата несет на себе, в восприятии автора, мету «смертельной судьбы»: «...Это имя — огромный вздох, / И в глубь он падает, которая безымянна». «В глубь» — в ту самую сердцевину души, где хранятся самые дорогие впечатления. Чувство восхищения поэтом не остается бездейственным: оно рождает стремление одарить в ответ, в благодарность отдать поэту нечто столь же бесценное, как и его дар. Для цветаевской героини такая неразменная ценность — ее родной город:

В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
И я дарю тебе свой колокольный град,
Ахматова! — и сердце свое в придачу.

Казалось бы, что может быть больше такого безоглядного растворения в любви, столь ярко выраженной самоотверженной готовности отдать «сердце свое в придачу»? Однако еще многие и многие вдохновенные строки посвятит Цветаева в знак любви своим собратям по перу. Ее «безмерная» душа вмещала такую же безграничную любовь. В 1921 году она напишет Ахматовой эти пронзительные слова: «Мне так жалко, что все это только слова — любовь — я так не могу, я бы хотела настоящего костра, на котором бы меня сожгли».

Тема любви

Невозможно представить себе героиню цветаевской лирики вне любви, что означало бы для нее вне жизни. Предчувствие любви, ожидание ее, разочарование в любимом, ревность, боль разлуки — все эти состояния цветаевской героини запечатлены в любовной лирике в многочисленных нюансах. Любовь может быть тиха, трепетна, благоговейна, нежна — и безоглядна, стихийна. При этом она всегда внутренне драматична.

Юная героиня с особой остротой ощущает изменчивость, пленительность каждого мига. Желание остаться в памяти любимого человека звучит, например, в стихотворении «Надпись в альбом» (1909–1910):

Пусть я лишь стих в твоём альбоме,
Едва поющий, как родник...

Пусть так. Но вот в полуистоме
Ты над страничкою поник...
Ты вспомнишь все... Ты сдержишь крик...
— Пусть я лишь стих в твоём альбоме!

Любовь никогда не становится для лирической героини безмятежной усладой. В любви она утверждает свое право на поступок. Она решительна и бескомпромиссна и в утверждении («Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»), и в отрицании («Цыганская страсть разлуки! Чуть встретишь — уж рвешься прочь!»). «Про это» Цветаева пишет и трагические «Поэму Горы», «Поэму Конца» (1924), и лирические миниатюры почти дневникового характера:

И в заточенье зимних комнат
И сонного Кремля —
Я буду помнить, буду помнить
Просторные поля.
И легкий воздух деревенский,
И полдень, и покой, —
И дань моей гордыне женской
Твоей слезы мужской.

(1917)

Цветаевская героиня немыслима без любования, восхищения любимым. Безоглядность чувств делает ее любовь всеобъемлющей. Истинное чувство, по Цветаевой, живет не только в сокровенной глубине души, но и пронизывает собой весь окружающий мир. Потому сами явления этого мира в сознании героини часто соединяются с образом любимого. Об этом свидетельствует, например, стихотворение 1923 года «Строительница струн...»:

... (В сем июне
Ты плачешь, ты — дожди!)

И если гром у нас — на крышах,
Дождь — в доме, ливень — сплошь,

Так это ты письмо мне пишешь,
Которого не шлешь.

Ты дробью голосов ручьевых
Мозг бороздишь, как стих...

Движение одного человеческого сердца к другому есть естественная часть бытия, непреложный жизненный закон. Обусловленность человеческих связей этим законом подчеркивается в стихотворении «Мировое началось во мгле кочевье...» (1917), где тяготение сердец, поиск защиты и покоя, поиск тепла сравниваются со странствием звезд и деревьев.

Цветаевская героиня убеждена, что чувства обладают огромной силой, им могут быть подвластны расстояние и время. В стихотворении «Никто ничего не отнял...» (1916) она пишет:

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел вам вслед...
Целую вас — через сотни
Разъединяющих лет.

(1916)

Героине свойственно стремление преодолеть все преграды, стоящие на пути чувств, превозмочь влияние и давление обстоятельств. (Вспомним пушкинское: «Любовь и дружба до вас / Дойдут сквозь мрачные затворы...») Сосредоточенность души, погруженность в любовь — важная черта лирической героини. Слишком высокий счет предъявляет она к себе и другим, чтобы довольствоваться «средней температурой» страстей.

Однако любовная лирика Цветаевой открывает нам душу не только мятежную, своевольную, но и незащищенную, ранимую, жаждущую понимания. Ей насущно необходимо участие любящего сердца:

Друг! Неизжитая нежность — душит.
Хоть на алтын полюби — приму!

Друг равнодушный! — Так страшно слушать
Черную полночь в пустом доме!

(1918)

Трагическое звучание приобретает у Цветаевой тема несостоявшейся любви. Главная драма любви для героини — в «разминовении» душ, невстрече. Два человека, предназначенных друг другу, вынуждены расстаться. Их может разлучить многое — обстоятельства, люди, время, невозможность понимания, недостаток чуткости, несовпадение устремлений. Так или иначе, слишком часто цветаевской героине приходится постигать «науку расставанья». Об этом говорится и в стихотворении 1921 года из цикла «Разлука»:

Все круче, все круче
Заламывать руки!
Меж нами не версты
Земные, — разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже —
Неотъемлем.

Лишь в ином, лучшем мире — мире «умыслов», по выражению Цветаевой, возможно обрести полноту чувства: «не здесь, где скривлено, / а там, где вправлено». Лишь там сбывается все, что не сбылось. А когда земная жизнь разводит людей, друг другу необхо-

димых («И не оглянется / Жизнь крутобровая! / Здесь нет свиданьица! / Здесь только проводы...»), Цветаева со всей энергией поэтического «я» восстает против этого. Так, в одном из самых драматических стихотворений о любви — «Рас—стояние: версты, мили...» (1925) мы слышим не бессильную жалобу или сетование, но гневный, яростный крик. Строки стихотворения звучат не как перечень утрат, а как обвинение. Слово поэта противостоит страшной стихии разрушения человеческих связей.

Остановимся подробнее на двух стихотворениях — «На радость» (сборник «Волшебный фонарь») и «Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...» (1920).

В первом стихотворении Цветаева с ликованием провозглашает радость бытия. Любовь предельно обостряет восприятие мира. Во всем влюбленная героиня видит поэзию — и в таинственных, уходящих вдаль, помнящих многих путников «пыльных дорогах», и в недолговечной прелести «шалашей на час», и в сказочных «звериных берлогах», и в пленительно-прекрасных, как старинная музыка, «чертогах». Любовь дарит ей ощущение полноты жизни: «Милый, милый, мы, как боги: / Целый мир для нас!» Победно звучит здесь уверенность в том, что для влюбленных дом — везде, дом — весь мир! Им кажется, что все окружающее создано для них одних, им всюду легко, и потому с таким восторгом героиня восклицает: «Всюду дома мы на свете». Именно любовь возвращает героине детское ощущение власти над миром. Отсюда — и отвержение «домашнего круга», ведь в этот момент ей дороже «простор и зелень луга». В этот миг ей так важно почувствовать свободу, увидеть радужную палитру бытия, ощутить простор своим чувствам, мыслям, своему сердцу, своей душе. Она захвачена и очарована любовью, и все остальное кажется неважным, несущественным. Пока ей не хочется никакого другого плена — даже плена уютного домашнего очага — кроме сладостного, счастливого, самозабвенного плена любви: «Милый, милый, друг у друга / Мы навек в плену!»

Своеобразной клятвой верности любви можно назвать второе стихотворение:

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь — прельщусь — смущусь — рванусь.
О милая! — Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прошусь.

Для героини, наделенной горячим сердцем, любовь — это еще и возможность полного самовыражения, самораскрытия. Это то богатство души, которым она готова щедро и безоглядно делиться, именно в этом видя предназначение и смысл своего существования: «И не на то мне пара крыл прекрасных / Дана, чтоб на сердце держать пуды!» Любовь, по Цветаевой, раскрепощает душу, дает ощущение внутренней свободы, заново открывает человеку его самого. Отсюда гордая уверенность: «Спеленутых, безглазых и безгласных / Я не умножу жалкой слободы». Любовь раскрывает огромные душевные силы — силы, способные противостоять самой смерти:

...Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелён,
Смерть, выбью! — Верст на тысячу в округе
Растоплены снега — и лес спален.

Любовь вечна, она, по мысли поэта, воедино слита с миром природы и искусства, поскольку является воплощением творческого начала бытия. Любовь не может умереть — она вечно возрождается, вдохновенно преображаясь. Даже если любящий человек уходит из земной жизни, его любовь остается в этом мире, чтобы, «смеясь над тленом, стихом восстать — иль розаном расцвести!»